

Кашкаров Даниил Николаевич

**Современные успехи
зоопсихологии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д18

Д18 **Даниил Николаевич К.**
Современные успехи зоопсихологии / Кашкаров Даниил Николаевич – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 424 с.

ISBN 978-5-519-88746-5

ISBN 978-5-519-88746-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга написана в Ташкенте. Этим обстоятельством объясняются некоторые, частью сознательные, частью вынужденные пропуски литературы. Кроме того размер книги совершенно не позволил остановиться на некоторых интересных главах: напр., психическая жизнь членистоногих недостаточно полно затронута, хотя о ней можно было бы написать целую книгу; недостаточно подробно изложена глава об инстинкте, где лишь намечены главнейшие пути понимания этого явления. Эльберфельдских лошадей, думающих и говорящих собак я вовсе не касаюсь по следующим основаниям: изучение необычайно разросшейся литературы по этому вопросу приводит к убеждению, что вопрос этот, столь напугавший, еще не подвергался научному изучению. За таковые нельзя считать беглые визиты к этим „изумительным“ животным. Материал о „думающих животных“ требует строгой проверки, тем более, что он стоит в совершенном противоречии с тем, что нам известно о животных на основании точных исследований. Приписываемые многими „думающим“ лошадям и собакам действия являются совершенно немислимыми: понимание человеческого языка, чтение написанного, самостоятельное мышление... Размеры книги, и без того перешедшей установленные ей границы, не позволили сделать обзор новейшей литературы исчерпывающим образом. Из нее приводятся лишь главнейшие работы, вносящие что-либо новое. Полные списки литературы читатель найдет у Washburn, Kafka, Hempelmann.

Ташкент. 15/I—1928.

Д. К.

ВВЕДЕНИЕ

Одним из самых крупных успехов естествознания в прошлом веке несомненно является установление факта эволюции органического мира. Все живое — и растительный и животный мир — оказалось связанным кровными узами родства. Ныне населяющие землю организмы являются лишь последними звеньями в непрерывной цепи следовавших друг за другом флор и фаун, причем, в общем, развитие шло в направлении от простого к сложному, к более совершенному.

Эволюционное учение сразу же увлекло за собою множество ученых. Явилось естественное желание воссоздать тот путь, который прошел органический мир, нарисовать картину эволюции организмов. Различные ветви биологических наук: эмбриология, сравнительная анатомия, палеонтология — взялись за разработку этого вопроса. Создалось так называемое историческое, или филогенетическое, направление в науке, и последнему несомненно удалось, хотя и в общих чертах, очень широкими штрихами, набросать картину мировой эволюции... Но только эволюции телесной. Родословная организмов, смена фаун, законы этой смены — вот что интересовало биологов. Затем стали интересоваться причинами эволюции, факторами развития. Эволюция же психическая была как бы забыта.

Между тем наука располагает неопровержимыми доказательствами того, что параллельно с эволюцией телесной должна была идти эволюция психическая, так как наша психическая жизнь, т. е. ощущения, представления, чувства, влечения и т. д., тесно и неразрывно связана с процессами в нервной системе, в определенных ее участках. Нервная же система эволюционировала. Отсюда прямой вывод: психическая жизнь также должна была эволюционировать. Но этой стороной эволюции интересовались очень немногие. В сравне-

нии с бесконечной армией зоологов, гистологов, эмбриологов, сравнительных анатомов, посвятивших себя восстановлению филогенетических отношений организмов с точки зрения их сомы, телесной организации, число ученых, интересующихся психологией животных, вопросами психической эволюции,— ничтожно.

Между тем значение вопроса о психической жизни животных, об отношении так называемой „души“ человека и „души“ животных для мировоззрения колоссально. Однако можно сказать, до последнего времени вопросами психологии животных интересуются не столько ученые, сколько любители животных, охотники, скотоводы. Благодаря этому развитие научных воззрений в этой области сильно отстало по сравнению с науками морфологическими. Это сказывается уже в том, что, за исключением Америки, зоопсихология до сих пор не получила полного права гражданства в высшей школе.

Тем не менее в настоящее время зоопсихология несомненно стала наукой в истинном смысле слова. Она обладает уже огромным запасом фактов, строго проверенных, добытых путем не только наблюдения, но и эксперимента; она обладает своими методами, иногда более точными, чем методы наук морфологических; в разработке теорий уже имеется та преемственность, которая является признаком научной разработки вопросов. Еще недавно, всего в 1899 г., три немецких физиолога: Бете (Bethe), Беер (Th. Beer) и ф. Икскуль (v. Uexküll), высмеяв достаточно ошибки и преувеличения так называемой вульгарной зоопсихологии, высказали мысль: „для биолога не существует зоопсихологии“. Несколько лет, главным образом в немецкой печати, велись бесконечные и часто очень страстные дебаты относительно самого права зоопсихологии на существование. Однако, хотя не раз уже обрекалась она смерти, никогда еще не была зоопсихология так жизненна, как теперь. И этим своим положением зоопсихология обязана американским ученым, выработавшим новые методы экспериментального изучения поведения животных. Вместо того, чтобы вести теоретические споры о возможности что-либо знать о сознании животных, американцы взялись за экспериментальное изучение поведения животных. За последние 10—15 лет в Америке появилось несколько сот

работ из области зоопсихологии. Америка дала нам в этой области ряд блестящих имен: Жак Лёб, Дженнингс, Йеркс, Уотсон и др. (Jacques Loeb, Jennings, Yerkes, Watson). В Америке для зоопсихологических исследований учреждаются особые лаборатории и институты, для преподавания зоопсихологии — особые кафедры.

Так, в Нью-йоркском университете¹ „Columbia University“ преподает проф. Сорндайк (Thorndike), один из основателей экспериментальной зоопсихологии, первый выступивший на тот путь исследования, который у нас получил название „Метода условных рефлексов“ акад. Павлова; в „Cornell University“ в Итаке (Ithaca), в лаборатории проф. Тиченера (Titchener), существует отделение для зоопсихологических исследований, которым заведует проф. Бентли (Bentley); здесь имеется оборудование для изучения и практических занятий по психологии простейших, муравьев, морских свинок, крыс, пчел, рыб и пр. В психологическом институте Чикагского университета одно здание специально посвящено психологии животных; работы здесь находятся в ведении профессоров Энджелл и Карр (James Angell a. Harvey Carr). Здесь же с 1911 г. начал издаваться специальный журнал, посвященный психологии животных: „Journal of Animal Behavior“ (ныне слит в одно с „The Journal of Comparative Psychology“). Много места отведено исследованию психологии животных в психологическом Институте в „University of Michigan“ в Энн-Арборе (Ann Arbor). Этот психологический институт составляет часть биологического института. Есть отдел для изучения психологии животных и в „Clark University“ в Вустере (Worcester), где ведет его известный исследователь психологии птиц Портер (Porter). Особенно хорошо обставлен отдел психологии животных в „Harvard University“ в Кембридже близ Бостона, которым заведует известный в зоопсихологии профессор Йеркс и где ведутся наблюдения над различными животными: обезьянами, кроликами, кошками, курами, червями, муравьями и т. д.

Имеются зоопсихологические лаборатории еще и в других городах, где зоопсихологические наблюдения и эксперименты

¹ „American Psychological Laboratories“ 1911. D. Tchelpanoff.

производятся столь известными зоологами и зоопсихологами, как Самюэль Холмс (Samuel J. Holmes; California), Вальтер Гёнттер (Walter S. Hunter; Kansas), Герберт Дженингс (Pennsylvania), Маргарита Уошбёрн (Margaret F. Washburn; Vassar College), Джон Уотсон (The John's Hopkins University), и др. Кроме университетских лабораторий в Америке имеются прекрасно обставленные частные лаборатории, напр. Джи́льберта Га́милтона (Gilbert V. Hamilton) в Калифорнии, — известного американского психопатолога и зоопсихолога, применяющего сравнительный метод к проблемам психиатрии и старающегося привести факты животной психологии и психологии генетической в связь с практическими проблемами душевных болезней и дефекта.

Существуют зоопсихологические лаборатории и в Европе. Напр.: во Франции — в Институте общей психологии (L'institut général psychologique); лаборатория проф. Бона (G. Bonn) в Аркашоне; по 1923 г. существовала немецкая лаборатория для изучения психологии антропоморфных обезьян на о-ве Мадейре, недавно выпустившая работу Вольфганга Кёлера (Wolfgang Köhler 1921 г.), посвященную вопросу об интеллекте человекообразных обезьян.

Но первое место в зоопсихологии занимает безусловно Америка, где зоопсихология заняла столь видное положение благодаря своей огромной теоретической и практической важности. Ей отведено видное место в ряде психологических журналов: 1) Journal of Comparative Psychology and Neurology; 2) Harvard Psychological Studies; 3) Psychological Bulletin; 4) The American Journal of Psychology. Ряд изданий периодических и полупериодических посвящен специально зоопсихологии: 1) Journal of Animal Behavior; 2) Behavior monographs; 3) Monograph Supplements to the Psychological Review (не целиком); 4) The Animal Behavior Series; 5) The Journal of Comparative Psychology. Французские и немецкие психологические журналы, напр.: „Archiv für die gesamte Psychologie“, „Bulletin de l'institut général psychologique“, „Archive de Psychologie“ и др., уделяют на своих страницах место вопросам зоопсихологии. На съезде зоологов в Бостоне, а также на съезде представителей экспериментальной психологии в Жене́ве, зоопсихология занимала видное место.

И у нас в СССР зоопсихология начинает завоевывать себе положение. Мы уже имеем официально существующие зоопсихологические лаборатории в Москве: одну при Научном Биологическом Институте проф. Н. К. Кольцова, находящуюся в заведывании М. П. Садовниковой, другую — при Дарвиновском музее, где работает Н. Н. Ладыгина-Котс. Кроме того можно указать работы В. А. Вагнера в Ленинграде и знаменитую лабораторию И. П. Павлова в Ленинграде, где многие работы имеют несомненно зоопсихологическое значение. Правда, так называемый „павловский метод“ неприменим к большинству животных. Его нельзя применить к муравью, рыбе, ящерице и т. д. Сравнительной психологии этим методом конструировать невозможно. Животное исследуется там не как психологическое целое. Это не совсем то, что называется зоопсихологией. Каковы ощущения животного, руководится ли оно, напр., при постройке гнезда „инстинктом“ или индивидуально приобретенным опытом, способно ли оно к подражанию и т. д. — на эти вопросы „павловский метод“ ответа не дает. Но во всяком случае этот метод дает огромный материал для установления основной точки зрения на сущность научения, дает ключ к пониманию существа поведения.

Таким образом у нас зоопсихология значительно отстала. Организация зоопсихологической работы у нас неизмеримо ниже, чем на Западе, а тем более — в Америке. И преподавание зоопсихологии в высшей школе хотя и допущено, но к развитию его не принимаются меры; ведется оно в обстановке, далеко не удовлетворяющей тем требованиям, которые можно и должно предъявлять к преподаванию экспериментальной науки в университете: без лабораторий, без практических работ, без наглядных пособий.

Между тем зоопсихологические исследования имеют колоссальную теоретическую важность. Мы настойчиво ищем морфологические промежуточные звенья между человеком и высшими животными — антропоморфными. Но еще более важным для научного мировоззрения является отыскание связи между психическим миром человека и высших животных. Укажу хотя бы на те выдающиеся по интересу результаты, к которым пришел Йеркс в своих недавних (1916) исследованиях психологии орангутана

„Юлия“, произведенных в лаборатории проф. Гамильтона и установивших точным экспериментальным методом наличие плато (см. ниже) в кривой научения оранга, чего нет ни у одного животного, кроме человека, — исследованиях, установивших наличие идеации (ideation) у оранга. Укажу на новейшие исследования психологии шимпанзе, давшие такие же результаты. Ведь это же несомненно огромного значения факт в вопросе о мирозерцании, так как он устанавливает самую тесную связь между человеком и орангом в отношении психическом. И вся современная научная зоопсихология устанавливает наличие такого же эволюционного процесса в мире психических явлений, как и в мире морфологическом, телесном.

Но, помимо своей теоретической ценности, зоопсихологические исследования могут иметь и большую практическую ценность для педагогики, для медицины, для антропологии и социологии. Поскольку мы можем, соблюдая осторожность, переносить выводы физиологических и морфологических работ над животными на человека, постольку же мы можем сделать это и с данными зоопсихологии.

Психология стремится стать и практической наукой, применить полученные ею данные в жизни, к потребностям практической деятельности. Она стремится к тому, чтобы определять способности человека, пригодность его к тому или иному роду деятельности; она ищет наиболее „педагогичных“, т. е. успешных приемов обучения, задается, напр., вопросами о распределении материала при школьном обучении; она исследует психологическое действие лекарств, алкоголя и т. д.; изучает основания для определения достоверности судебных показаний свидетелей... Во всех этих вопросах изучение животных может дать чрезвычайно интересный материал. Укажу, напр., на работу Ульриха (John W. Ulrich), посвященную вопросу о том, при каком методе обучения крысы научаются быстрее: в том ли случае, если их обучать какой-нибудь задаче ежедневно, или обучать через день, или через два... Если делать с ними один опыт в день, три опыта или пять? Произвести опыты, подобные произведенным Ульрихом, с детьми было бы трудно. Потребовалось бы слишком много усилий, чтобы устранить при обучении все побочные воздействия на ребенка со стороны

внешних факторов, изолировать от которых ребенка, может быть, и не удалось бы вовсе. Работая в течение трех лет с крысами, Ульрих мог создавать какие угодно условия, работать с очень большим числом особей. Результаты его опытов, выраженные на 50 страницах в ряде кривых и таблиц, вполне могут быть применены в педагогике. Результаты эти таковы. В пределах некоторых границ, которые еще не были определены, является гораздо более экономичным давать в день немного опытов (уроков). Из кривых научения можно видеть, что метод одного опыта через два дня гораздо более экономичен, ведет к более быстрому успеху, нежели три или пять опытов ежедневно. И результат обучения гораздо лучше удерживается в памяти при немногих опытах в день, чем при многих.

Из работ, которые могут иметь практическое приложение, укажу еще на работы Бассэ (Basset), Ады Йеркс (Ada Yerkes) и Неноцо Утцурикава (Nenozo Utzurikava) над влиянием кровосмешения на психические особенности. Вопрос, конечно, высокой важности и для практической жизни и для социального законодательства. Решить его экспериментально по отношению к человеку, конечно, невозможно. Упомянутые же авторы могли иметь 12 поколений инбридов (кровосмешение производилось между братом и сестрой) и экспериментировать над ними самым точным образом. При разведении инбридов белой крысы — *Mus norvegicus albinus* — в анатомическом институте в Уистар оказалось, что инбридирование, или кровосмешение, ведет к уменьшению относительного веса мозга, причем отношение бралось к длине тела. Результаты продолжительных опытов упомянутых трех авторов таковы: у инбридов мы видим меньшую способность к научению, худшую память, большую половую возбудимость, большее стремление уединяться, меньшую активность, большую злобность и дикость, большую впечатлительность и раздражимость, сглаживание естественных различий в поведении полов, т. е. целый ряд психических дефектов, ибо и память, и способность к научению, и эротизм — все это с известной точки зрения психологические особенности. Вопрос о кровосмешении, о браках между родственниками, есть важный социальный вопрос. С антропологической точки зрения изучение последствий

кровосмешения — вопрос чрезвычайно важный не только теоретически, но и практически. Между тем данные антропологии по этому вопросу очень скудны, и нет пока надежды получить в этом направлении более богатый материал. Между тем из изложенных результатов трех работ видно, что изучая ниже человека стоящие существа мы получаем надежные и интересные данные. И данные эти совершенно объективны.

Укажу, наконец, на ряд работ о влиянии на поведение животных в условиях эксперимента алкоголя, кофе, наркотиков и т. д. (Bills, Marriot A., Fletcher, Gowan and Arlitt). Учет влияния ведется строго количественно и, конечно, может дать интереснейшие результаты для практической жизни.

Мы видим, таким образом, что сравнительно за недавнее время создалась большая научная дисциплина, имеющая огромный теоретический интерес и практическое применение. Между тем о ней у нас почти ничего не знают. На русском языке нет почти ни одного сочинения, которое знакомило бы с достижениями науки в этой области. Все почти существующие на русском языке зоопсихологические книги трактуют, прежде всего, вопрос об „инстинкте“. При этом трактовка эта основывается, главным образом, на работах нашего заслуженного, выдающегося биолога и зоопсихолога Владимира Александровича Вагнера. Но, как ни ценны его работы в этой области, все же ограничиться ими нельзя. Вот почему с удовольствием принял я предложение Государственного издательства написать книгу, рисующую успехи современной зоопсихологии. В течение ряда лет читая курс зоопсихологии сперва в Московском университете, затем в Средне-азиатском государственном университете, я собрал обширную литературу по этой дисциплине. Продолжаю получать ее и теперь. Это дает возможность выполнить взятую работу. К сожалению, небольшой объем книги не позволил углубиться в некоторые вопросы и заставляет оставлять некоторые пробелы в обрисовке современного положения зоопсихологии.

Каждый объект яснее выступает на некотором фоне. Для оценки достижений в области науки чрезвычайно полезна бывает историческая перспектива и исторический фон. На нем